

СТАЛИНСКОЕ ПЛЕМЯ

Четырнадцать лет

Шло двухтысячное собрание лучших людей района. Выступал секретарь райкома. Говорили с трибуны известные, уважаемые в районе люди, которые вывели свои колхозы в передовые. А после речи одного из них председатель райисполкома объявил:

— Слово предоставляется лучшему пахарю района Александру Старченко.

Но гуще собравшихся (собрание шло на лужайке, в саду) пробежало оживление. «Кто, кто?». «Который?». «Шляются тут!», — сердито глянула пожилая женщина в желтой косынке на юркнувшего мимо нее парнишку.

А парнишка пробрался к трибуне, взмог на нее, заговорил. Да, да, заговорил с трибуны, обращаясь ко всему собранию.

— Я, колхозник колхоза имени Сталина, Александр Старченко, вспахал на своей корове 47 гектаров, — сказал парнишка.

— Да ну? — ахнула сердитая женщина в желтой косынке. — А я ж его ругаю...

— Чп-ш-ш! — обернувшись к ней стоявшие поблизости.

А парнишка говорил, ничуть не смущаясь, без запинки:

— Доходил до такого состояния (так и отчеканил: доходил до такого состояния!), что нахал не три нормы.

Ряды возбужденно зашумели. Где-то закричали.

— И обучил еще семь коров, — продолжал парнишка.

Возгласы, аплодисменты вспыхнули еще в нескольких местах.

— ...И женщины взяли с меня пример, — уверенно закончил парнишка, и ушел с трибуны.

Раздались общие рукоплескания. А позади рядов герой дня, гордый своим успехом, отвечал на вопросы обступивших его.

— Мне? Пятнадцатый. У нас я моложе меня папуг, — все работают теперь. Трудовой? Бригадир говорил — больше трехсот.

Председатель колхоза им. Калинина Иван Захаров ухилил дома с

семьей. Мать заботливо угощает сына-подростка.

— Ешь, Коля, да — спать. Завтра, наверно, опять до света в отряд?

— Угу, — с набитым ртом отвечает сын.

— Коля, а когда же к нам? — спрашивает отец.

— Теперь скоро, — не без важности говорит сын. — Вот домолотим в Любимком и переедем к нам, дня через три.

— Вы, Коля, там поскорее, — знает, ведь, мы до покрова хотим все обмолотить, — просит отец.

— Приедем, пап, не подведем, можешь надеяться.

Что будешь делать на месте председателя? Колхозу не управиться с молотью, ждут не дождутся тракторной молотилки. Директор МТС обещал дать трактор поучить, чтобы днем молотить, а ночью из нем попахать зябь. И вот — приехать с этой молотилкой должен 14-летний сын председателя, тракторист Коля Захаров. От него, сынишки, зависит сейчас выход из беды, спасение колхозной чести. Что будешь делать: приходится и сына попросить... Тем более, что трактор Коля — лучший в лучшем из всей МТС отряда.

— А кончите — мы вам угощение устроим, — обещает отец.

На это следует обиженный отзыв сына:

— Что ж мы, — маленькое?

Чудесные пацаны! Первый — один из лучших пахарей в районе, второй — один из лучших трактористов. И обоим по 14 лет, и обоих, что называется, от земли не видно.

А их не двое, этих замечательных мальчишек. Сотни их работают сейчас, в суровое время невиданной войны, в колхозах и МТС, дела тяжелый труд с дедами и матерями, оказывая огромную помощь своей стране.

Ф. ИВИН.

Ивановский район.

На снимке (справа налево): курские комсомольцы Евдокия Шевцова, бригадир фронтовой комсомольской бригады фармзавода, выполняет производственное задание на 177 проц; Петр Кытин, стахановец Н-ского завода, выполняет задание на 250—300 проц; Варя Романович, лаборантка ЦЭС; Семен Дроздин, секретарь комитета ВЛКСМ Н-ского завода; Тамара Тарасова, бывшая партизанка, награжденная значком «Отличник санитарной службы» и Антонина Пожаркова, лаборантка хлеба-завода. Фото Г. Радова.

КУРЯНИН — ГЕРОЙ ДНЕПРА

Это наш земляк. До войны он работал в Курске на междугородней телефонной станции рабочим. Он только еще приучался к делу, не приобрел специальности, как грянула война. Тут и довелось развернуться талантам этого паренька, который раньше ничем особенным не выделялся среди других связистов.

Минаков вошел два года. Вместе с армией он прошел скорбный путь отступления. Осенью позановского года проходил мимо родных мест, где вырос. Дрались под Воронежем. А потом настала та чудная пора наступления, которая не окончилась и до сих пор.

Летом армии, в которой сражался Минаков, перешла в наступление. В числе первых он перешел Сейм, в числе первых вступил на украинскую землю. В районе села Игнатьево немцы создали солидную оборону. Они устроили густую сеть дзотов и, казалось, невозможным преодолеть живую стену, который обрушился на бойцов, атаковавших деревню. Надо было пройти совсем немного до села, но на каждом шагу бойцов стерегли пули. Бойцы залегли в перешейке, и тогда комсомолец младший сержант Минаков поднялся во весь рост и ринулся вперед через полосу огня, а за ним поднялись и побежали его товарищи. Немцы не выдержали. Оставив на подступах к селу 50 трупов, они бежали. Отделение Минакова захватило два мотоцикла и 8 ручных пулеметов.

После этого боя в роте все заговорили о Минакове.

После длительного марша подразделение подошло к Днепру. И бойцы, не отдохнув после перехода, не ожидая постройки переправ и подвоза артиллерии, на лодках, на плотах ринулись через реку. Курянин Иван Минаков был среди первых смельчаков, высадившихся на правом берегу. Не успел он выйти из воды, как немцы открыли по храбрецам сильнейший огонь из пушек и минометов, а затем бросились в контратаку. У немцев было больше роты солдат, у Минакова — только отделение.

— Выстоим, ребята! — крикнул Минаков. — И бойцы залегли, окопались и встретили немцев очередями из автоматов. Шесть раз немцы бросались на бойцов, старались сбросить отделение в реку, но бойцы лежали, не отходя ни на шаг. Пока Минаков держал небольшой плацдарм на правом берегу, пока он одним своим отделением отбивал контратаки немцев, через Днепр переправлялись другие подразделения и, опрокинув немцев, пошли вперед.

На следующий день разгорелся бой за село К. Немцы яростно цеплялись за него. Тогда Минаков со своим отделением пробрался в тыл к немцам, уничтожил вражескую засаду и расчистил путь пехоте в село. В этом бою сам Минаков уничтожил 25 немцев.

На днях нашему земляку Ивану Минакову присвоено звание Героя Советского Союза.

Капитан А. ТУРКОВ.

ПЕТР КЫТИН

Я выбрал героя. Зовут его Кытин. С ним встретиться можно на улице

днем. Пожать ему руку, о цехе спросить и сказать, что поэма эта о нем. Он вырос в советские наши годы. Не знал ни насилия, ни горя не знал. В ребячьих затеях был конволом, Учился, работал и жадно читал. Как все, по утрам убегал он в школу. Сдавал испытания мирной весной. Был ловкий и смелый, по-детски веселый.

Порой беззаботный и озорной. Он, верно, мечтал о неведомых трассах.

Готовил к походам нехитрый багаж. Этот парнишка с шестого класса В тихом селении Верхний Любави. Ему лишь четырнадцать было, и снова

жизнь рисовалась яркая и ясная. Когда вдруг таким осязаемым словом Стало далекое с детства — война.

В Сомовском Петя гостил у деда. Осенью. Порой канонада слышна. Пойти бы туда узнать, разведать. Какая она — война?

Все ближе гремели далекие грозы. Он видел ряды отступающих рот. К родным городам, к богатым колхозам

тянулся неведомый, страшный фронт. Неужто немецкая будет победа. — Спрашивал Петя тревожно у деда. Но дед, доставая потертый алфавит, Ему говорил: «Петруха, нет. Будут еще великие сечи.

Думает немец, что битвы нам нетем

Видно, он, враг, еще не знаком С нашей дубинкой, да кулаком».

Темная улица. Маленький дом. Русский поселок, занятый врагом. Кажется, стоит родная земля Под сапогом патруля.

Стук и ворчанье: пускать не хотите! Вошел полицейский: «Здесь живет Этот, как его... Петр Кытин».

Петя откликнулся: «Здесь... вот» — Беря повестку, пойдешь со мной Немцы тебя приглашают в Германию.

— Да не могу я ехать — больной... — Что?! Не желаешь... Вот наказание.

До чего ж это вредный пошел народ! С ним по-хорошему... Просишь даже, Марш! — свирепеет рожда сража. И под конвоем Петя идет.

На бирже немецкой короткий вопрос. Чинюгины совещались. Парень здоровый, высокий рост, — Завтра придишь с вещами.

... Лес у Дмитровска... Дубы шумят, Мощные ветви вытянуты.

В этом лесу в партизанский отряд Приняли Петю Кытина. И командир сказал: Хорошо.

Ты не из робких — вижу, Ну, молодец, что тогда не пошел На их немецкую биржу.

Будем мы вместе теперь бедовать. Немцам на нашей земле не бывать. И партизану грустить не к лицу. Выдайте, братцы, оружие маляву.

Суровые будни, лихие бои.

Братва дорогая, ребята свои. Петр закалялся, окреп, возмужал И как-то — нежданно о доме узнал: Разграблена хата, убита родня...

Сказал он: «Ребята, возьмите меня На трудное дело, на смелый налет, И немец живым от меня не уйдет».

Плывет в тишине госпитальная койка Во тьму потолок уходит, скользя... Тревожные мысли уйми, успокой-ка? Попробуй не думать?! Не думать нельзя.

А помнил, как будто, все по порядку: Вой Красной Армии... через ров Реались навстречу... И в друг в ло

Удар, внезапная слабость... кровь... Склонилась сестра в косынке белой, Такой же белой, как снег тогда... — Где сейчас наши? Как их дело? Мы победили? — Да.

Плани пожаров по кровлям сухим, Стен закопченные горы, Груды развала и пепла... Таким Немцы оставили город.

Кытин смотрел на разбитый завод, На вспаханный танком спуск, И как-то не верилось, что вот Снова свободный Курск.

Он помнил, однажды, еще в лесу — Мечталось ему о том, Как выгонят немцев и спасут Светлый фабричный дом.

И будет разлохотевшим станкам, И снова завод пойдет. Ему бы хотелось работать там, И строить такой завод.

Но было-то снова... А может не яв еще. И то что ему говорит завком: — Завтра, малец, на работу явись, Пока побудешь учеником.

Дрожит от песен здание, Колыхает ноги пол. На общее собрание Собрался как с мол. Расселись тесно

Еще не поднялся израненный город, Поблизости фронт еще сторожил. А люди уже чинили моторы Для боевых машин.

Хоть многие у станков впервые, Подростки, зеленая молодежь, От пола не видны, а боевые Работать возьмутся — не оторвешь.

Мастер Батулин своим гордится, Смышленный попался ему паренек. — Ты это, Кытин, как говорится, И без меня бы работать мог.

Петя улыбку от мастера прячет, Что говорить, доволен старик. Значит неплохо работает, значит Не полкачал, не подвел ученик.

Тяжелые нормы военного года И взрослому трудно. Но все же Петр По суткам не уходил с завода, Потому что этого требовал фронт.

Нельзя было медлить. И как-то сразу Режим положили себе таков: Не кончив работу, не слав наказа, — Не уходил из цехов.

Кытин работал уверенно, скоро, На совесть, а не на страх. И воскресали, пели моторы, Слово живые, в его руках.

Два месяца только прошло, как снег Он попутной машины февральским днем.

И вот он теперь рабочий-слесарь. Да и завод пусканил при нем. Сжился он с ним, с этим заводом, Здесь он рабочую школу прошел.

И понял, что мало просто работать Но надо работать еще хорошо.

Дрожит от песен здание, Колыхает ноги пол. На общее собрание Собрался как с мол. Расселись тесно

На стульях вдвоем Огладена повестка: Прием.

К свету выйдя, Своей же братке Рассказывает Кытин Подробно о себе.

Про то, как жил он до войны, И как нагнул враг, И как в разгар седой зимы Участвовал в боях,

И о работе за станком... Но тут его прервали. В цеху он каждому знаком — Ведь вместе начинали.

— Кто по две нормы в день дает? — Петр.

— Стахановца найдите, Лучше, чем Кытин... Работе вместе — нет и года, А говорить могли бы до утра...

Комсомольское собрание завода. Пришло в члены Кытина Петра.

Сейчас на руках у него бригада, Тоже ребята — не покладут. Сам теперь Кытин укажет, как надо Сделано, приказать тут.

Мастер проверит: точно, порядок. Ну, паренек далеко пошел. В 16 лет до 6 разряда Дошел уверенно Кытин Петр.

По-франтовому ребята упорны, Умелы и ловки, и любят труд. Выше задания, по две нормы Они ежедневно за смену дают.

Об остальном расскажет сам Кытин. Его можно встретить на улице нем Пожать ему руку, о цехе спросить и Сказать, что поэма эта о нем.

ЮРИЙ ЛЕБЕДЕВ.

„Курская правда“, 3 стр.